

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

М.А. КРАСНОВ

Солженицынская парадигма государственного строительства, или Двадцать лет спустя

“Чем ничтожнее его (государства) граждане, тем оно само ничтожнее; чем меньше они развиты, тем менее развито и само государство”.

Лоренц фон Штайн (создатель концепции социального государства)

В 1990 г. была опубликована статья остававшегося еще в эмиграции А. Солженицына под названием “Как нам обустроить Россию”. И хотя сам факт публикации стал заметным событием, какой-либо серьезной дискуссии вокруг высказанных писателем идей не случилось. На мой взгляд, это было проявлением того состояния советского общества, которое довольно точно описал известный французский философ А. Глюксман: “Отчаяние и то, что я называю нигилизмом, то есть *отсутствие каких-либо нравственных ориентиров, распространились от исполнителей советского террора на саму народную массу* (в этой и во всех последующих цитатах курсив мой. – М.К.), заразили и пронизали ее, как переполненный сосуд, вода из которого заливает весь пол. Это не значит, что население в массе своей стало морально готовым к террору, готовым сорваться с цепи, но оно *утеряло понимание того, что является злом*¹ ... И элиты, и простые люди затрудняются сказать, что является самым страшным, худшим. Именно поэтому *призывы Солженицына к покаянию, к самоуправлению, к автономности гражданского общества были гласом вопиющего в пустыне*” [Уроки... 2004, с. 180–181].

Были, думаю, и более конкретные причины, почему солженицынский программный манифест почти не затронул ни один из оппозиционных коммунистической

¹ Это подтверждается и современными исследованиями. Так, в одной из социально-психологических работ говорится, что «система ценностей у молодых людей искажена. Они ценят ум, силу, целеустремленность, целенаправленность, умение добиваться цели в жизни, смелость, решительность и проч., то есть то, что, по их мнению, важно в жизни; они могут ответить на вопрос “что такое хорошо?”, но **испытывают трудности с ответом на вопрос “что такое плохо?”**» [Краснова, 2008, с. 184].

Краснов Михаил Александрович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики.

номенклатуре идейных лагерей. ”Державники” не могли принять антиимперскую направленность его идей. Да и сегодня вряд ли популярными были бы среди них такие, к примеру, слова: «Я с тревогой вижу, что пробуждающееся русское национальное самосознание во многих доле своей *никак не может освободиться от пространно-державного мышления, от имперского дурмана, переняло от коммунистов никогда не существовавший дутый “советский патриотизм” и гордится той “великой советской державой”*, которая в эпоху чушки Ильича-второго² только изглодала последнюю производительность наших десятилетий на бескрайние и никому не нужные (и теперь вхолостую уничтожаемые) вооружения, опозорила нас, представила всей планете как лютого жадного безмерного захватчика – когда наши колени уже дрожат, вот-вот мы свалимся от бессилия. Это вреднейшее искривление нашего сознания: “зато большая страна, с нами везде считаются”, – это и есть, уже при нашем умирании, беззаветная поддержка коммунизма» [Солженицын, 1990, с. 8–9].

Для “демократов” неприемлемыми показались рассуждения Солженицына о демократии. На эмоциональном уровне их можно было понять: на повестке дня стоит революционный лозунг “демократии и рынка”, а тут нам говорят, что и европейская модель не так уж хороша, и вообще “уважение к человеческой личности – более широкий принцип, чем демократия”, а “уважать человеческую личность *не обязательно в форме только парламентаризма*” [Солженицын, 1990, с. 37]. Другими словами, демократия им обрисовывалась как *средство*, как инструмент, но уж никак не цель. А такой подход (на мой взгляд, совершенно верный) радикально расходился с доминировавшей в то время “аксиологией”. Кроме того, он выступил противником “партийной” системы, считая, что она плодит демагогов и популистов. И это в то время, когда только-только стали формироваться протопартии.

Однако за трезвым отношением писателя к демократии не скрывались ни неприязнь к ней, ни желание сохранить советский строй, к которому он, естественно, не мог питать симпатии. Отсутствие “демократического восторга” у Солженицына, на мой взгляд, объясняется пониманием того, *что* представляет собой советское общество, собравшееся “строить демократию”. Ведь еще в 1938 г. И. Ильин писал: “Напрасно думать, что революция готовит в России буржуазную демократию. Буржуазная особь подорвана у нас революцией; мы получим в наследство пролетаризованную особь, измученную, ожесточенную и деморализованную” [Ильин, 1996, с. 45]. Именно этим пониманием продиктованы тезисы Солженицына о нежелательности радикальных политических изменений. Напомню эти тезисы.

Политическая реформа не является приоритетной: “*При нынешнем скоплении наших бед, еще так осложненном и неизбежным разделением с окраинными республиками, – невозможно нам сразу браться решать вместе с землей, питанием, жильем, собственностью, финансами, армией – еще и государственное устройство тут же*” [Солженицын, 1990, с. 27].

Не нужно крушить институты только потому, что они рождены советской властью: “Государству, если мы не жаждем революции, неизбежно быть *плавно-преемственным и устойчивым*. И вот уже созданный статут потенциально сильной президентской власти нам еще на немалые годы окажется полезным... Что-то в нынешнем государственном строе приходится пока применять просто *потому, что оно уже существует*” [Солженицын, 1990, с. 27].

Новые элиты не готовы к управлению страной: “Решительная смена властей требует ответственности и обдуманья. Не всякая новозапейщина обязательно ведет прямо к добру. Наши несравненные в 1916 году критики государственной системы – через несколько месяцев, в 1917, получив власть, оказались совсем не готовы к ней и

² Для молодого читателя поясню: Солженицын имеет в виду Л. Брежнева, которого звали Леонид Ильич. А первый советский вождь – Владимир Ильич Ульянов (Ленин), которого советская пропагандистская машина часто ласково именovala “Ильичом”. Не случайно в одном советском анекдоте Брежнев говорит: “Зовите меня просто – Ильич”.

все загубили. Ни из чего *не следует*, что *новоприходящие теперь руководители окажутся сразу трезвы и прозорливы*” [Солженицын, 1990, с. 26].

Народ не готов к всеобъемлющей демократии: «Из высказанных выше критических замечаний о современной демократии вовсе не следует, что будущему Российскому Союзу демократия не нужна. Очень нужна (разрядка Солженицына. – М.К.). Но *при полной неготовности нашего народа к сложной демократической жизни – она должна постепенно, терпеливо и прочно строиться СНИЗУ, а не просто возглашаться громковещательно и стремительно сверху, сразу во всем объеме и шири... Без правильно поставленного местного самоуправления не может быть добропрочной жизни, да само понятие “гражданской свободы” теряет смысл*» [Солженицын, 1990, с. 47].

Последний тезис наиболее важен, поскольку, как я попытаюсь показать, он остается актуальным по сей день. Если же интегрировать все названные солженицынские идеи по поводу перехода от тоталитаризма к демократии, можно сказать, что создание новой государственности Солженицыну представлялось как соединение некоторых советских институций с подлинным местным самоуправлением.

Он так и называет свою модель – “*сочетанная система управления*”, то есть система, соединяющая “централизованную бюрократию и общественные силы” [Солженицын, 1990, с. 53]. Под “общественными силами” писатель подразумевал новое “земство”, своего рода гражданское общество. С “централизованной бюрократией” – сложнее. С одной стороны, к коммунистической номенклатуре Солженицын не испытывал ни малейшего сочувствия (“Часы коммунизма свое отбили”, – так начинается его статья [Солженицын, 1990, с. 5]), с другой – он с надеждой обращает взгляд на институт президентства (напомню, что в 1990 г. был только один – союзный президент М. Горбачев). Вот это и странно, поскольку президентство Горбачева означало лишь тактическую уступку наседавшим “демократам” и не ломало сложившуюся систему управления в СССР. Не стоит к тому же забывать, что Горбачев сохранил за собой и пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Не менялся вместе с президентством и кадровый состав партийно-советской элиты. Наконец, Горбачев фактически оставался заложником партийной бюрократии, поскольку, как известно, был избран президентом не на всеобщих выборах, а управляемым большинством Съезда народных депутатов СССР.

Возможно, живя еще вне страны, писатель полагал, что режим просто сам либерализуется. Собственно говоря, его тезисы и были рассчитаны именно на *управляемую* постепенность, то есть на реформы, проводимые самой советской номенклатурой. Как показали все дальнейшие события, начиная с конца 1990 г., это было наивностью.

Итак, статья явно диссонировала как с эмоциональным состоянием тогдашнего “демократического лагеря”, так и с основным направлением его интеллектуальных поисков. И хотя слова “как нам обустроить Россию” еще долго обыгрывались в разных дискуссиях, сами идеи Солженицына, изложенные в той статье, не привлекали к себе внимания. В том числе идея, которая несла сильнейший антиимперский заряд, – **строительства демократической государственности “снизу”**³. Вот о ней я и хотел бы поговорить.

Один из главных аргументов Солженицына в пользу переключения основного внимания на местный уровень, как видно по одной из приведенных выше цитат, – это “*неготовность народа к сложной демократической жизни*”. За тезисом о неготовности вовсе не скрывалась популярная сегодня в некоторых кругах мысль о его онтологической неспособности к демократии или вообще о вредности (неприемлемости) ее для России. Писатель лишь искренне опасался, что введение демократии “сразу во всем объеме и шири” дискредитирует саму идею. Однако, верно называя признаки неготовности (политическую неискренность еще советского, по сути, человека и от-

³ Под “низом” понимается не нижняя ступенька иерархической лестницы власти, а базовый, “почвенный” уровень публичной жизни.

сюда незащищенность его от манипулирования; отсутствие навыков гражданской самостоятельности, солидарности и ответственности, наконец, нравственную деформированность советского общества), Солженицын фактически обрисовывает не модель переходного периода, в течение которого можно будет “подготовиться” к полномасштабной демократии, а попросту иную ее концепцию.

Анализу этой концепции стоило бы посвятить отдельную статью. Здесь же замечу лишь, что Солженицын, в целом верно указывая на известные недостатки (возможно, даже пороки) демократии, описанные разными учеными, в том числе и придерживавшимися либеральных взглядов, взамен предлагает далеко не лучшую систему *многоступенчатого представительства*: “При географической обширности и бытовых условиях нашей страны прямые всегосударственные выборы законодателей в центральный парламент не могут быть плодотворны. *Только выборы трех-четырехстепенные* могут провести кандидатов и уже оправдавших себя и укорененных в своих местностях. Это будут выборы не отдаленных малознакомых людей, только и пофигурявших в избирательной кампании, но выборы по взаимному многолетнему узнаванию и доверию” [Солженицын, 1990, с. 51]. Это означает, что непосредственно населением депутаты избираются лишь на низовом уровне, а затем уже сами *из своего состава* формируют “вышестоящие” представительные органы.

Модель не новая, она была реализована, в частности, в период Парижской коммуны в 1871 г. и в РСФСР/СССР до 1936 г. Правда, писатель, ссылаясь на предложение известного российского либерала и земского деятеля Д. Шипова, добавляет к этому еще и возможность кооптации в органы власти: “Каждое собрание имеет право не голосованием, а при полном согласии приобщать в свой состав, не более пятой части своего объема, всем известных полезных и необходимых местных деятелей” [Солженицын, 1990, с. 51].

Хотя с отвлеченных позиций многоступенчатая система представительства может показаться привлекательной, с позиций практических она не зарекомендовала себя положительно. Александр Исаевич, как ни удивительно, попал в ту же ловушку, что в свое время К. Маркс и В. Ленин: как и они, писатель вдохновился некоторыми конкретными проявлениями самоорганизации народа (Солженицын с одобрением говорит о деятельности «шахтерских забастовочных комитетов и “союзов трудящихся”, проявивших такое сознание и такую организованность» [Солженицын, 1990, с. 51]). Однако поведенческая модель, пригодная для решения сугубо *революционных* задач, не работает в условиях решения *рутинных* задач управления.

Вернемся, однако, к тезису *о неготовности к демократии*. Вообще-то он нигде и никогда не бывает популярным, если выдвигается в преддверии революции. Другое дело – разговор о неготовности после реализации того “проекта”, к которому относилось предупреждение. Это как раз “наш случай”: прошло двадцать лет строительства демократии “сразу во всем объеме и шири”. Что же получилось?

В интернет-дискуссии, организованной в декабре 2009 г. Фондом “Либеральная миссия” с вопросом “Нужна ли россиянам демократия?”, К. Рогов выделил три крупные позиции относительно демократии: “*Одни говорят, что демократии в стране стало меньше...* Речь идет об ограничении свободы СМИ, политических прав и свобод граждан, препятствии проведению митингов и демонстраций, недопущении неудобных к выборам и так далее. *Вторая точка зрения сводится к тому, что демократии у нас никогда и не было, а потому ее и не могло стать меньше: как не было ее, так и нет. И есть третья точка зрения – что в 2000-е годы демократии стало больше, чем в 1990-е, когда были хаос и засилье олигархов*” (<http://www.liberal.ru/articles/cat/4535>).

Рогов высказал гипотезу, что такой разброс мнений объясняется совершенно разным пониманием демократии. В первой группе ее понимают в шумпетеровском смысле – как “политический строй, при котором начальники меняются путем *конкурентных выборов*” (примерно такое же понимание, добавлю, исповедовал К. Поппер, а среди современных политологов отмечу защитника минималистской концепции А. Пшевского). Поэтому, как я попытаюсь показать ниже, и в первой группе

респондентов не очень хорошо понимают смысл демократии, сводя ее лишь к рамкам политической свободы. Второй тип отношения к демократии Рогов условно назвал правозащитным (диссидентским), так как оценка ее уровня происходит с позиций *эффективности защиты прав человека*. Наконец, в третью группу, по мнению Рогова, входят те, кто воспринимает демократию с позиций *улучшения/ухудшения материального положения*.

Если природа подобного разноречия действительно такова (думаю, Рогов прав), то это значит, что у *российской демократии нет прочной социальной базы*. Огромной частью общества видимые нарушения демократических принципов либо не воспринимаются как нарушения, либо одобряются по причине целесообразности или безграничного доверия к лидерам. Соответственно, у многих людей не возникает даже внутреннего протеста, не говоря уже об участии в протестных акциях. И это помимо тех, кто вообще не считает демократию благом. Впрочем, и без социологических опросов видно, что за демократические принципы мало кто готов чем-то пожертвовать.

Что же произошло в стране, если спустя двадцать лет впору возвращаться к осуждению идеи Солженицына о “сочетанной системе”, то есть об авторитаризме “наверху” и демократии “внизу”; если российское общество не выказывает готовности отстаивать свое право на свободное определение политического курса государства и контроль за властью? Ответить можно. Только вопрос следует поставить чуть иначе: чего *не* произошло в стране? А не произошло **ни одного цикла нормального движения политического маятника**. Как же тогда общество могло оценить преимущества демократии в ее самом концентрированном смысле?

В том-то и проблема, что с 1990 г. и до сих пор “формула” предлагаемой народу альтернативы, по сути своей, *революционная*: “за демократию/против демократии”. Другими словами, народ голосовал в большей степени за новые или сохранение прежних *мировоззренческих рамок*, но не за ту или иную политику в уже определенной системе координат, что и составляет “эффект маятника”. Такой выбор стоял на президентских выборах 1996 г., таким же, по существу, он был и в марте 2000, и в марте 2008 (голосование за *status quo*). Хотя и нельзя сказать, что в 2000 г. открыто была предложена идея свертывания политических свобод, тем не менее с августа 1999 по март 2000 г. имиджево обществу был дан ясный сигнал (“прозрачный намек”) о том, что будет существенно изменен сам *образ правления* (фактически те же *рамки*). И общество согласилось с этим. Не будь такого согласия, вряд ли победа на выборах В. Путина помогло бы то обстоятельство, что он уже несколько месяцев практически руководил страной. Соответственно, по той же схеме состоялись и выборы “преемника” в 2008 г., только на этот раз это был плебисцит за сохранение всей предшествующей стилистики власти.

Последующие (с 2000 г.) события – резкое сужение проявлений плюрализма; культивирование советской ностальгии; урезание прав региональных элит; прореживание партийной системы; установление политической бюрократией контроля над медийным пространством и, главное, над всеми властными институтами, включая суд (построение “властной вертикали”), – показали, что народ не обманулся в своих ожиданиях. А то, что именно таковы были народные ожидания, подтвердили все последующие выборы – как президентские, так и парламентские, как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях (применение административного ресурса позволило лишь продемонстрировать более убедительные цифры, но не влияло на исход выборов). И вот тут возникает едва ли не главный вопрос – почему народ “отвернулся от демократии”?

Довольно распространено мнение, что виной тому некая предопределенность. В частности, поскольку России присуща особая *институциональная (цивилизационная) конструкция*, содержащая некую “генетическую” информацию, обеспечивающую воспроизводство этой конструкции, иного ожидать не приходится (см., например [Бессонова, 2007]). Проще говоря, “демократическое наваждение” начала 1990-х было лишь флуктуацией, а затем страна вернулась к своему “естественному” миропониманию.

нию. Согласно другой, тоже распространенной, позиции (чаще всего ее высказывают околоставные политологи или сами кремлевские идеологи) в России *должны смениться несколько поколений*, чтобы люди осознали новые для них ценности.

Третья точка зрения, имеющая меньшинство приверженцев, состоит в том, что **осознанию смысла демократии препятствует институциональный фактор**. Поскольку я принадлежу к числу сторонников данной гипотезы, поясню более конкретно, о чем речь. Понимая демократию в “минималистском” ключе, то есть как смену правительств благодаря свободным выборам, мы логически упираемся в необходимость наличия:

- субъектов конкуренции (организованных политических сил);
- реального конкурентного выигрыша;
- режима свободной конкуренции.

Были ли в России все эти условия? Нет! Не буду здесь рассматривать двухлетний период (1991–1993 гг.) после падения КПСС и распада СССР, хотя интересно было бы проанализировать влияние и тогдашнего весьма своеобразного институционального пейзажа (совмещение черт советского и демократического типов организации власти) на политическое поведение. Но сейчас важнее посмотреть, как на такое поведение влияет конструкция власти, предусмотренная *Конституцией РФ 1993 г.*

Политологи и политические публицисты, сравнивая последнее десятилетие века ушедшего и первое десятилетие нового, отмечают резко сузившееся пространство политической и экономической свободы, то есть проявившие себя авторитарные тенденции вкупе с реставрацией советской политической эстетики. С этим наблюдением не поспоришь. Равно как и с констатацией того, что подобная метаморфоза произошла благодаря изменению “народного заказа”. Но мало кто правильно определяет причину отказа от “свободы” в пользу “порядка”. Да, правы те, кто говорят, что причина – не в усталости от самой свободы, а в восприятии ее как беспорядочности, близкой к хаосу. Однако на этом обычно и останавливаются. Между тем и этот образ беспорядочности государственного бытия имеет свои причины. И прежде всего ту же институциональную.

Из всей названной “триады” условий для обеспечения “минималистской” демократии сегодня осталось лишь одно, да и то относительное – *субъекты политической конкуренции*. Таким образом, в сравнении с 1990-ми гг. исчез еще и *режим свободной конкуренции*. Точнее, он был ликвидирован. Но почему это стало возможным? Попробую ответить.

Отсутствие конкурентного выигрыша было предопределено для партий изначально самой конструкцией властного механизма. Не вдаваясь в подробности (конституционно-правовому анализу этого явления я посвятил несколько работ [Краснов, 2006; Краснов, Шаблинский, 2008]), скажу лишь, что из-за *явного дисбаланса в системе сдержек и противовесов* у нас нет поля для межпартийной конкуренции. Дело в том, что в демократических государствах с институционально сильным президентом (неважно, в президентской или полупрезидентской модели, а Россия относится к последней) выборы главы государства не превращают проигравшие партии в изгоев, ибо у них, если, конечно, они обладают хоть какой-то электоральной поддержкой, остается возможность не только активно влиять на проводимый курс, будучи *парламентской* партией, но и в ряде случаев становиться даже правящей партией (яркий пример – Франция, где, хоть и нечасто, но президент вынужден формировать совет министров из представителей партии парламентского большинства). Другими словами, президентские выборы решают далеко не все. В нашей конституционной конструкции у партий такой возможности нет, ибо сама Конституция фактически предопределяет “игру с нулевой суммой”. Причем именно президент “получает все”.

В наших условиях это означает фактическую потерю политической субъектности парламента, прежде всего Государственной думы. Мы, конечно, наблюдаем борьбу (и довольно активную) за депутатские места. Но не особенно запечатлеваем в сознании тот факт, что *эта борьба не является и не может быть борьбой за обладание*

властью, поскольку, не имея возможности не то что формировать, но даже участвовать в формировании правительства, побеждающая на выборах партия не становится правящей, не получает “мандат на власть”, то есть возможность реализовывать свои программы и, соответственно, отвечать за это перед избирателями.

Поскольку от исхода парламентских выборов, в полном соответствии с Конституцией РФ, не происходит смены политического курса и кадрового обновления исполнительной власти (все это проецируется и на регионы), постольку органы исполнительной власти практически не контролируются Государственной думой, соответственно, партиями, представленными в ней.

Мало того: хотя, по Конституции РФ, исполнительная власть осуществляется правительством, в реальности, но благодаря той же Конституции, оно (вместе со всей системой органов исполнительной власти) не представляет собой самостоятельного политического субъекта, а всегда выступает лишь *техническим* по отношению к Президенту РФ. Кстати, президентский контроль над исполнительной властью не только сомнителен с конституционной точки зрения, но и не может быть сколь-нибудь эффективным. Такое положение ничуть не меняется оттого, что сегодня велик “политический”⁴ вес председателя Правительства РФ, составляются различные президентские “кадровые резервы”, введена конституционная поправка об обязанности ежегодного отчета правительства перед Госдумой. Конечно, посредством аппаратных договоренностей можно на время “обмануть” конституционную конструкцию, но институциональный порок этим нельзя нейтрализовать.

“Обмануть” Конституцию также можно, если президент “сыграет в поддавки” и предложит наибольшей фракции в Думе самой определиться с кандидатурой председателя кабинета, а глава государства согласится внести именно ее. Пропагандистского шума будет очень много. Но этот кабинет отнюдь не станет правительством парламентского большинства, ибо вся властная конституционная конструкция будет обязывать его ориентироваться исключительно на президента.

Итак, отсутствие конкурентного выигрыша порождает двойной эффект: институционально слабая Дума не дает партиям силу для их развития, а деградирующие от безвластия партии делают нижнюю палату еще более слабой. И хотя возможны ситуации, когда Дума (например, во времена президентства Б. Ельцина) может “показывать зубы”, они (эти ситуации) обязаны не влиянию партий, а только степени популярности президента и его идеологическим приоритетам. Говорю все это лишь затем, чтобы отметить важную зависимость: при отсутствии хотя бы одного условия “минималистской” демократии начинают отмирать и другие – либо по естественным причинам, либо оттого, что их уже некому защитить.

Институциональная ущербность системы власти, безусловно, влияет на характер общественного сознания. Однако и последнее способно либо востребовать иную конструкцию власти, либо смягчить пороки существующей. Другими словами, **ментальный фактор** ничуть не менее значим, чем институциональный. Но если предположить (хотя реальных признаков такой возможности пока не наблюдается), что конструктивные препятствия для политической конкуренции будут устранены, можем ли мы утверждать, что посредством демократических процедур в полном соответствии с законом к власти не будут приведены силы, мировоззренчески вообще не приемлющие демократию?

Двадцать лет назад такой вопрос было бы неприлично ставить. Нынче он в порядке вещей. Отнюдь не на пустом месте в среде российских интеллектуалов появилось немало “демоскептиков”, которые, с одной стороны, впали в уныние от персоналистского режима, олицетворяющего “образ российской демократии”, с другой – фактически благословляют такой характер воцарившейся системы власти как “меньшее зло”, как преграду перед свободным выбором большинства, посредством

⁴Кавычки означают, что на самом деле речь идет об аппаратном весе, ибо последний зависит не от соотношения политических сил в публичном пространстве, а от частных (внутриаппаратных) договоренностей.

которого, опасаются они, к власти придут “темные силы”. К примеру, один из самых последовательных “демоскептиков” публицист Л. Радзиховский в 2005 г. писал: “Выборы в Думу. Прямая улика: за ЛДПР голосуют больше, чем за СПС, а за ЛДПР + Родина – больше, чем за всех демократов вместе взятых. Вопрос: *так переход к реальной демократии, к парламентской республике нужен России?*” [Радзиховский, 2005].

Подобный ход рассуждений для России не нов. Например, Н. Бердяев вскоре после Октября 1917 г. так объяснял причину наступления “народной тьмы”: “Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И *это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем...* Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы, не нуждавшейся в высшей культуре. Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная” [Бердяев, 1990, с. 35–36].

Минималистская концепция (и в этом одна из ее слабых сторон) по умолчанию предполагает, что “бескровная смена правительства в результате всеобщих выборов” будет протекать в конституционных пределах. Однако история XX в. не раз подтверждала, что свободную конкуренцию можно использовать и для установления монополярной (безоппонентной) власти.

Даже диктатура, как утверждается в экономической и политологической литературе, держится не только на устрашении (репрессиях), но и на *лояльности* общества диктатору (хотя и в разных комбинациях этих двух факторов⁵). И этой лояльности любой диктатор разными путями вынужден добиваться. Тем более ментальный фактор важен для демократии, поскольку она основана на выборности.

Разумеется, правящий слой всегда имеет возможности для манипулирования массовым сознанием, и эти возможности существенно расширились в информационную эпоху. Но ведь само по себе такое стремление к манипулированию означает, что институты власти не способны функционировать без всякой оглядки на общество. Х. Ортега-и-Гассет верно заметил: “Ни одна власть на Земле не держалась на чем-то существенно ином, чем общественное мнение” [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 119].

Если рассматривать нашу ситуацию с этих позиций и наложить на нее итоги всех выборов и рейтинги трех президентов, можно ли утверждать, что в начале 1990-х гг. народ требовал демократии, а с 2000 г. – ее свертывания, и политики сообразовывались с этими колебаниями? Нет, картина гораздо сложнее. И в том и в другом случае демократия воспринималась не в строгом (минималистском), а скорее в мифологическом смысле, то есть как некое явление, которое обеспечивает свободу и относительно достойное существование – в материальном и правовом (защита от произвола) смыслах. Социологические исследования, например Левада-Центра, подтверждают сказанное (см. табл.).

Тут, с одной стороны, заметно, что по-прежнему слово “демократия” для большинства имеет положительный смысл. Но с другой стороны, больше 40% набирают ответы, как раз не очень согласующиеся с минималистской концепцией. К тому же в общественном сознании существует довольно большая путаница причинно-следственных связей в демократии. Это продемонстрировали ответы на вопрос, по смыслу очень близкий к предыдущему: “*Что, на ваш взгляд, наиболее важно для того, чтобы можно было говорить о демократии в стране?*” Выяснилось, что “соблюдение политических прав и свобод граждан” считают важным для демократии 44%, а вот “плюрализм мнений, отсутствие тотального государственного контроля над средствами

⁵“Диктатура использует два инструмента, чтобы оставаться у власти: **репрессии и лояльность (популярность)**. Четыре вида диктаторов, в зависимости от установленного ими режима, могут быть определены, исходя из различных комбинаций названных двух параметров: тингот (низкий уровень как репрессий, так и лояльности), тиран (высокий уровень репрессий и низкий уровень лояльности), тоталитарный лидер (высокий уровень и репрессий, и лояльности) и тимократ (низкий уровень репрессий, высокая лояльность). Эти четыре образа диктаторов постоянно встречаются в литературе, посвященной диктаторским режимам” [Wintrobe, 2002, p. 4].

Ответы на вопрос «Что такое, по вашему мнению, “демократия”?» (в %)

Варианты ответов	2000 г.	2001 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Свобода слова, печати, вероисповедания	37	39	44	44	40	44	46
Экономическое процветание страны	33	26	31	32	35	26	47
Выборность всех высших государственных руководителей	15	14	18	13	12	17	15
Возможность для каждого делать все, что он хочет	10	10	6	10	7	10	7
Фактическое равенство граждан перед законом	—	—*	—*	—*	—*	—*	34
Подчинение меньшинства большинству	6	4	3	4	2	3	3
Гарантия меньшинствам их прав	5	7	6	6	5	6	5
Строгая законность	29	23	24	24	26	21	26
Порядок и стабильность	28	24	29	30	35	30	41
Анархия и безвластие	6	4	6	5	5	4	2
Пустая болтовня	10	10	11	9	10	11	1
Затруднились ответить	8	6	7	6	6	5	2

* Звездочки означают, что данный вариант вопроса не задавался.
Источник [Общественное... 2008, с. 23].

массовой информации” – лишь 8% (а ведь соблюдать политические права и свободы невозможно при отсутствии плюрализма и в условиях фактической цензуры в СМИ). Не придают граждане значения и такой важнейшей институциональной гарантии, как “разделение властей, независимость суда и законодательной власти от президента и правительства”. Важным это считают только 12% [Общественное... 2008, с. 23].

Дело, однако, не просто в путанице в головах, которая обычно исчезает по мере реального использования демократических институтов, а в том, что в массовых представлениях о государстве укоренилось то, что можно назвать **имперским образом государственности**. Разумеется, это только ощущение. Но затрудняюсь иначе объяснить довольно сильную “культурологическую” ностальгию по СССР, массовую поддержку восстановления некоторых атрибутов советской империи и вообще советской эстетики (хотя и нельзя отбрасывать последовательную пропагандистскую работу в этом направлении), демонстрируемую при социологических опросах популярность исторических личностей, имена которых связываются с укреплением именно имперской стабильности, и, напротив, явную непопулярность личностей реформаторов (а то и враждебность к ним), в коих общественное сознание видит “предателей державы”. И хотя люди, как правило, не апеллируют к самому термину “империя”, именно тоска по утраченному имперскому величию и стремление возродить его, судя по всему, определяют доминирующее общественное настроение.

Однако все сказанное не означает, что подобные настроения – часть национального архетипа. Восприятие государства как империи во внутривнутриполитическом смысле, то есть прежде всего такие ее признаки, как централизация управления под лозунгом государственного единства, цезаристский характер власти, явный приоритет государ-

ственного интереса, прослеживается, пожалуй, только с XV в. Но через этап такого восприятия прошли многие европейские государства. Почему же тогда имперское сознание в России так и не было преодолено? Попытка ответить на этот вопрос увела бы меня далеко от заявленной темы и к тому же представляла бы только еще одну гипотезу, которых и без того высказано немало. Поэтому ограничусь лишь следующим утверждением: Россия перманентно *“беременна” антиимперским трендом*, но в нашей истории всякий раз либо “роды” срывались, либо рождалась все та же империя, пусть и с иной идеологией. Так, после *первой* – Российской – империи воцарилась *вторая* – Советская (злая усмешка истории состояла в том, что эта империя строилась как раз на утопической посылке об отмирании государства), а сегодня мы находимся в процессе если не создания, то ожидания *третьей* империи, название которой пока невозможно определить.

В таком случае *возможно ли в очередной раз пытаться преодолеть имперский синдром*, если ни правящий класс, ни большинство населения к этому вовсе не стремятся? Действительно, что может вытеснить в общем-то навязанную, не органичную человеку идею великодержавия, заставляющую гордиться тем, от чего он отчужден, и жертвовать всем ради ложного пафоса, за которым скрываются совершенно чуждые интересы, зачастую далекие от истинных интересов страны?

Выход, на мой взгляд, состоит в **реализации идеи Солженицына построения государственности “с земли”**. Однако – и это принципиально важно – речь не должна идти об этом как об идее. Кстати, лет десять назад, когда были в моде поиски “национальной идеи”, многие предлагали нечто подобное – идею “своего палисадника”, “своего чистого подъезда” и т.п. Полагаю, что такие взгляды, сами по себе правильные, лишены масштабности, а потому не вдохновенны, если их “вывешивать” в качестве идей. Мне кажется правильным иной путь. Этот путь – само *строительство государства “снизу” без фанфар*. Ведь для того, чтобы люди почувствовали вкус к местным делам, не требуется какая-то духовная подзарядка, в отличие от борьбы за свободу, демократию, независимость и проч. Тут не нужны особые призывы. Местный уровень – уровень, если хотите, экзистенциальный, а потому все, что на нем происходит, самым естественным образом касается человека. Поэтому люди сами переориентируются, когда поймут, что здесь действительно, а не по газетам, многое зависит от них.

К демократии таким естественным путем не приходят. Поэтому прав был Б. Чичерин, когда утверждал: “Развитие политических свобод требует определенной подготовки от людей, подготовки не только и не столько интеллектуальной, сколько гражданской. *От людей требуется опыт самостоятельного независимого существования в повседневной жизни*, умение строить свою хозяйственную жизнь, вести свое дело, строить отношения, требуется трезвое понимание своих интересов и выгод, понимание взаимной зависимости интересов различных групп и сословий, понимание природы контракта и обязательств” (цит. по [Чижков, 2008, с. 56]).

Золотые слова: разумно и эффективно пользоваться политическими правами, действительно, можно только тогда, когда понимаешь их смысл. А смысл поймешь, когда этими правами воспользуешься не потому, что тобой владеет жажда действий, желание заявить свое мнение, пройтись в одной колонне со своими единомышленниками и т.п., а потому, что сама жизнь, твои насущные частные интересы потребуют от тебя обращения к политическим (публичным) средствам их достижения и защиты.

Но где постоянно, чуть ли не ежедневно возникают такие интересы основной массы людей? Там, где они обитают, в местах их постоянного жительства и отдыха, работы, ведения бизнеса. То есть это не федеральный и не региональный уровень, а **уровень местного самоуправления**. Очень хорошо об этом сказал А. де Токвиль: “Человека трудно заставить бросить свои дела и действовать в интересах будущего всего государства, ибо он слабо представляет себе то влияние, которое судьба государства может оказать на его собственную участь. *Если же речь идет, например, о строительстве дороги рядом с его земельным наделом, он с первого взгляда увидит прямую зависимость между этим незначительным общественным мероприятием и*

значительно более важными для него личными делами, а также без подсказки обнаружит тесную связь, соединяющую здесь частные интересы с интересами общими” [Токвиль, 2000, с. 377].

Конечно, насущные интересы могут быть и не связаны с местным уровнем власти: например, в свое время пенсионеры выходили на демонстрации, митинги и пикеты по поводу “монетизации льгот”, автолюбители – по поводу повышения таможенных пошлин на ввоз иномарок или запрета “правостороннего руля”, рабочие градообразующих предприятий – по поводу закрытия последних. Но во-первых, такие выступления для многих их участников представляют собой крайние меры, а во-вторых, демократическая жизнь отнюдь не исчерпывается реализацией свободы собраний и шествий, права на забастовку и т.п. Проще говоря, такими способами долго придется “учиться демократии”, а главное, собственно демократии одними протестами не научишься. Причинно-следственные цепочки между собственным выбором, собственной активностью и качеством значительной части своей жизни резко сокращаются (упрощаются), а значит, становятся понятными очень многим только на том уровне, где человек живет, работает и отдыхает.

Солженицын имел в виду именно это преимущество местного самоуправления, когда говорил, что избрание *хорошо знакомых* жителям людей позволит отстоять “в нашей местности: неотравленные воздух и воду, наши дома, квартиры, наши больницы, ясли, школы, магазины, местное снабжение, и будет живо содействовать росту местной нестесненной экономической инициативы” [Солженицын, 1990, с. 47]. Правда, ставка на “хорошо знакомых” в России оказалась далекой от жизни. Во-первых, в крупных городах вряд ли так можно сказать о депутатах и мэрах. А во-вторых, оказывается, что даже если и “хорошо знакомые”, то почему-то ведут себя так, будто их “прислали из Москвы” на какой-то срок и они, завершив “миссию”, уедут обратно. В таком случае – неужели у нас не работают общие закономерности?

Работают, конечно. Просто условия, в которые поставлен человек, воздействуют на его мотивы. А эти условия таковы, что, с одной стороны, органы местного самоуправления не имеют реальных властных и материальных ресурсов для решения всех вопросов местного значения, а качество жизни в данном населенном пункте в значительной части зависит от региональных и федеральных властей⁶. С другой стороны, местные власти и местные ресурсы сегодня объективно так же отчуждены от жителей, как и в советской системе, представлявшей собою пирамиду. Будут ли при таком положении вещей интересны жителю состав представительного органа местного самоуправления, местной администрации, местный бюджет, степень прозрачности деятельности органов местного самоуправления и проч.?

В настоящей статье я сознательно не употребляю слов “реформа местного самоуправления”, ибо речь идет о **фундаментальном пересмотре стратегии государственного строительства**. Побудительная причина для такого пересмотра – отнюдь не подготовка народа к демократии, как это могло показаться после чтения первой половины настоящей статьи. Ведь демократия – не самоцель, а только инструмент, средство для достижения главной ценности, которую способно обеспечить государство, – защищенности человеческого достоинства. И в правовом, и в социальном, и в экономическом смыслах. Понятно, однако, что и такая цель вряд ли “вдохновит” правящий класс. А именно от него пока зависит изменение парадигмы развития. В таком случае можно сказать следующее: перенос основного внимания государства на местный уровень является “нелинейным” способом решения проблемы архаичности российского общества. А доказывать, чем чревата такая архаичность для страны, нет смысла. Именно ее следствия мы наблюдаем едва ли не во всех сферах – от состоя-

⁶ Известный публицист Ю. Латынина, хотя и с присущей ей прямолинейностью суждений, но довольно точно определила, что “российская мэрия – это коррупция. Основной, системной причиной этой коррупции является тот факт, что любой муниципальный объект зарабатывает не сам, а получает деньги из центра” [Латынина, 2010].

ния правопорядка до качества развития экономики. Другими словами, модернизация в архаичном обществе – пустая затея.

Реальное местное самоуправление способно за считанные годы изменить стереотипный образ российского общества – патерналистски настроенного, бегущего от ответственности, слишком атомизированного, лишенного чувства солидарности, ибо все эти качества – не природные. Они – как раз результат воздействия долготлетних условий жизни, в том числе и институциональных. Так была и так остается устроенной сама система наших взаимоотношений с государством, что *ни на одном публично-властном уровне* от людей почти ничего не зависит. Условия, которые консервируют и даже углубляют все названные черты российского общества, должны быть радикально изменены.

Собственно говоря, едва ли не главный эффект, который сможет принести солженицынская идея, состоит в **формировании подлинного гражданского общества**. Понимаю, что это словосочетание за последние двадцать лет изрядно пообтрепалось, не без участия постсоветской бюрократии. Однако это не означает, что снята сама задача. Напротив, сегодня она очевидна как никогда. У России, получившей в наследие от советской государственности духовно и политически деформированное атомизированное общество, остается едва ли не единственный “стратегический ресурс” – *общество граждан*, то есть людей, сознающих свою ответственность за свой дом, село, город и страну. И начать решать эту задачу нужно именно с уровня повседневной жизни людей. В противном случае – какая там модернизация? Страна будет все больше озлобляться на весь мир, осознавая свое социально-экономическое отставание, но не видя возможностей для самоутверждения, кроме как нагнетания страха на себя и других.

* * *

Что же нужно сделать для реализации предложенной идеи? Рамки статьи не позволяют изложить программу переустройства. Да и не под силу это одному человеку, поскольку речь должна идти о целостной системе последовательных шагов, которые, конечно же, потребуются проанализировать с экономической, правовой, социально-психологической и иных точек зрения. Поэтому ограничусь лишь общими набросками.

Переориентация усилий государства на местный уровень не означает ни того, что федеральная власть должна заняться местными делами, ни, наоборот, того, что достаточно лишь передать на местный уровень материальные ресурсы и полномочия. Ни одна из этих крайностей не приведет к нужному результату. Хотя цель состоит в овладении навыками самоуправления на “почвенном” уровне, однако помогать этому должны все уровни публичной власти. Именно это должно стать главной задачей государства.

В данном процессе прежде всего чрезвычайно важно с самого начала дать людям **возможность свободного выбора**. Говоря конкретнее, *местное самоуправление должно вводиться только по решению самих жителей*. Другое дело, что реализацию права на местное самоуправление необходимо стимулировать, делать его максимально привлекательным для людей. В то же время они должны понимать, что вместе с существенными преимуществами возлагают на себя и вполне ощутимую ответственность, то есть негативные последствия, возникающие вследствие неэффективного самоуправления. При этом следует на федеральном уровне позаботиться о более надежных гарантиях самостоятельности местного самоуправления.

Если перестраивать парадигму государственного строительства, то есть ставя “пирамиду” на ее естественное основание – уровень повседневной, бытовой жизни людей (одновременно, кстати, следуя конституционной формуле о человеке как высшей ценности), федеральная власть не может ограничиться сугубо “юридической” сферой. Поэтому еще одно *conditio sine qua non* (непременное условие) состоит в **предоставлении жителям своеобразного “стартового капитала”**. Можно ли надеяться на самоуправленческую активность людей, живущих в бараках, трущобах, аварий-

ных домах? Первая и самая масштабная экономическая мера перестройки нашей государственности – это *создание жилищных и бытовых условий, достойных человека XXI в.* Исправление одного из вопиющих безобразий, которые оставила советская власть, будет зримым индикатором того, что меняется сама философия российской государственности.

Вся политика (бюджетная, законодательная и т.д.) должна быть перестроена под этот приоритет. И начинать надо не с больших городов, а с рабочих поселков – с тех мест, куда советская власть завлекала либо насильно высылала, чтобы строить “гиганты индустрии”, экономя на людях (точнее, просто не задумываясь об условиях их жизни). Конечно, тут должны сказать свое слово экономисты.

Еще одно условие – **“технологическое” по форме, но принципиальное по смыслу.** Речь идет о *радикальном пересмотре всей бюджетной и налоговой политики государства.* Это предполагает не только существенное расширение доходной базы местного самоуправления, но и совершенно иные приоритеты федерального бюджета. В центре внимания должны стоять опять же не соображения государственного (имперского) престижа, а обновление того, что довольно презрительно именуется жилищно-коммунальным хозяйством.

Возвращаясь к тезису о неготовности народа к демократии, стоит заметить, что подобные рассуждения никогда не оканчиваются указанием на критерий *готовности.* Так вот, о готовности к демократии, в смысле овладения навыками гражданской жизни, можно судить, пожалуй, только по одному простому индикатору: **общество должно само ее востребовать.** В конце 1980-х оно вроде бы уже требовало. Однако то была иллюзия. На самом деле это был “заказ” на свободу. Но свобода – *только условие* для разумной и справедливой публичной жизни. Организовать такую жизнь без демократического механизма невозможно (сегодня, во всяком случае). Поэтому, когда человек поймет – через свой насущный интерес, – *что* именно дает демократический механизм, ему уже трудно станет морочить голову имитацией, а тем более вообще отнять этот механизм. Он за него станет бороться!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* Философия неравенства. М., 1990.
- Бессонова О.Э.* Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск, 2007.
- Ильин И.А.* Основы государственного устройства. Проект Основного закона Российской Империи. М., 1996.
- Краснов М.А.* Персоналистский режим в России: опыт институционального анализа. М., 2006.
- Краснов М.А., Шаблинский И.Г.* Российская система власти: треугольник с одним углом. М., 2008.
- Краснова О.В.* Молодежь о молодежи в современном обществе // Актуальные проблемы молодежной субкультуры. Сб. статей. М., 2008.
- Латынина Ю.* Убийство мэра Тучково // Ежедневный журнал. 8 января 2010 г. (<http://www.ej.ru/?a=note&id=9784>).
- Общественное мнение – 2008. М., 2008.
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2002.
- Радзиховский Л.* Привет, немытая Россия! // Ежедневный журнал. 15 июля 2005 г. (<http://ej.ru/dayTheme/entry/1441/>).
- Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. Л., 1990.
- Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 2000.
- Уроки Солженицына (Интервью с французским философом Андре Глюксманом) // Свободная мысль – XXI. 2004. № 4.
- Чижков С.Л.* Идеиная эволюция Бориса Николаевича Чичерина. М., 2008.
- Wintrobe R.* University of Western Ontario. April 25, 2002 (<http://time.dufe.edu.cn/jingjiwengong/waiwenziliao/dictatorshipsurvey.pdf>).